

Сходное заключение сделали югославские археологи для славянских поселений по Дрину и Мораве, а также для всего района между Моравой и Тимоком, а польские археологи — для района с. Дебреште в Македонии (близ древней торговой артерии *Via Egnatia*)¹³.

Дело, однако, не только в этих фактах. Сколь ни неразвито было славянское общество того времени сравнительно с византийским, оно представляло собой определенную структуру, основным системообразующим элементом которого являлись прежде всего оседлые поселения, жители которых были заняты земледелием и разведением домашних животных, пасущихся на лежащих близ деревень пастбищах. Все элементы данной системы соответствовали этому главному структурному фактору: и жилища (полуземлянки), возникшие, несомненно, как рациональное жилье в условиях суровой зимы и совершенно чуждые кочевникам, и орудия труда, и обилие утвари из дерева и глины, и воинская тактика, ориентированная на пеший рукопашный бой, которого избегали кочевники, и привычка укрываться от врагов в лесу, который страшил кочевые народы, и т. д. и т. п. Мы убеждены в том, что любые попытки судить об организации славянских поселений и об общественном строе славян останутся совершенно бесплодными, пока не будет полностью осознан тот факт, что славяне (во всяком случае, подавляющее их большинство) вышли на арену истории, уже будучи оседлыми, занятыми сельским хозяйством жителями Европы. Эпоха Великого переселения в их истории — не переход от кочевничества к оседлости, а эпизод — смена мест расселения в силу глубоких внутренних мотивов развития славянского общества, одним из которых была потребность в новых землях, на которых они стремились продолжать свою прежнюю хозяйственную деятельность.

Именно земледельческий, оседлый быт обуславливал формы общественной организации древних славян. Занятие сельскохозяйственным трудом в условиях, когда возникли поселения, состоящие из десятка и более сельских дворов, организация землепользования, сезонных пахотных работ, выделения пастбищ и лугов и т. п. — все это невозможно без регулирующих производственные циклы правил, устанавливаемых путем общего согласия поселян, невозможно вне общины. Деревенская община как сообщество соседей — не выдумка славянофилов и не податная организация, создаваемая государственной властью, а естественноисторически возникший институт деревенских жителей, регулирующий порядок землепользования, внутренние дела поселения и его отношения с соседними общинами¹⁴.

Советские археологи на основе изучения материалов раскопок славянских поселений VI—начала VII в. в Поднепровье и в Поппутье пришли к выводу, что в это время совершался процесс перехода от патриархальной, родовой общины (для которой была характерна большая, или братская, семья) к общине соседской. Переходная стадия проявилась в возникновении группы индивидуальных, предназначенных каждый для малой семьи домов, расположенных вокруг еще сохранявшегося в общем пользовании хозяйственного подворья¹⁵.

Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI до IX в. на територията на България. С., 1976.

¹³ *Fine J. V.* The Early Medieval Balkans: Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Univ. of Michigan Press, 1983. P. 38, 39; *Hensel W., Rauchutova J.* Archaeological Research at Debrešte (Macedonia), 1974—1978 // *Archaeologia Polona*. 1981. Т. XX. P. 191—225.

¹⁴ Дискуссию об этом см.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство X—XI вв. М., 1977. С. 7—42.

¹⁵ *Баран В. Д.* Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы // Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе славянской археологии.